

Развитие геополитической мысли в Японии первой половины XX века

Кыстаубай Айша

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, магистрант

Абстракт: В статье рассматриваются публикационные тенденции на тему геополитики в Японии первой половины XX века. Раскрываются факторы, важные для понимания японской политики того периода, и дается представление о японском империализме. Благодаря результатам проведенного исследования, в этой статье делается попытка проанализировать историю развития японской геополитической мысли и концепций.

Abstract: This paper examines the publication tendencies of geopolitics in Japan of the first half of the 20th century. These relations reveal important factors in understanding of Japanese political history during this period and providing of some explanations for Japan's imperialism. Through the results of the analysis, this paper makes an attempt to review the history of development of geopolitical thought and conceptions in Japan.

В послевоенной Японии обращение к геополитике в научных и государственных кругах было на длительное время исключено, главным образом, из-за отношения этой науки к военной агрессии и ультра национализму Японии первой половины XX века.

Тем не менее, к 70-м годам прошлого столетия начали появляться публикации на тему геополитических исследований военного времени. Их авторы – К. Моритаки, К. Такеути, Ф. Мидзуока [1] – выступали с критикой отечественных геополитиков, выявляли актуальные проблемы методологии и идей геополитики. Геополитическими исследованиями более позднего периода занимались такие авторы, как Т. Ямадзаки, А. Такаги, Ё. Фукусима [2]. Деятельность отдельных личностей, внесших вклад в развитие японской геополитики, подробно рассматривается в трудах Ё. Сибата [3]. Всплеск интереса к этой тематике сыграл важную роль в нарастании исследований и дифференциации их тем.

В данной работе автор использует методы исторического анализа и синтеза работ иностранных исследователей, затрагивавших проблемы формирования японской геополитической мысли, логический и проблемно-хронологический методы. Таким образом, анализ геополитических концепций может быть полезен в присвоении критической оценки и пересмотре взглядов на военные кампании, иностранную дипломатию и внутреннюю политику Японии в эпоху империализма.

Политическая география в Японии переживала взлеты и падения с конца XIX века. Как предполагал Ф. Ратцель политическая география хронологически неотделима от государственно-ориентированной геополитики. То же самое можно сказать и о Японии. Термин «политическая география» впервые появился в конце XIX века – начале XX века, а к 40-м годам общеупотребительным стал термин «геополитика». Этот резкий сдвиг объясняется вовлечением Японии в военные действия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мобилизацией японских географов в геополитику.

На японских географов, главным образом, оказала влияние немецкая школа геополитики. Политическая приверженность и ориентация на немецкую геополитическую практику так или иначе имела место быть, однако развитие геополитики как социального или культурного движения в Японии принимало отличные формы, главным образом, из-за неопределенности геополитики как доктрины.

Геополитические движения и деятельность японских географов были разделены на три школы: школа Киото, которая была ориентирована на коренную японскую геополитику; академиков, которые находились под сильным влиянием немецкой геополитики; и академиков,

политиков, военных, которые основали Японскую ассоциацию геополитики [4, с. 549].

Понятие «геополитика» впервые было введено в Японии в 1925 году благодаря научным географическим кругам, в которых осуществлялся перевод трудов по геополитике и политической географии европейских современников (Р. Челлен «Государство как форма жизни» (1916 г.), О. Мауль «Политическая география» (1925 г.).

Ученые и географы, имея возможность непосредственно обратиться к геополитике 1920-х годов, были критически настроены и считали геополитику либо ответвлением, либо развитием политической географии. Поэтому в течение этого периода, лишь немногие географы применяли новый подход к политической науке в Японии [5, с. 72-73]. Тем не менее, геополитические исследования в Японии начали принимать характер обширного движения к концу 1930-х годов, что привело к их зениту во время войны.

Одним из ярких его представителей был лидер *Киотской школы* геополитики – профессор факультета географии при Императорском Университете Киото Комаки Санэсиге. Он утверждал, что новая японская геополитика не должна подражать немецкой геополитике, а развивать традиционный менталитет японцев [4, с. 549].

В работе «Манифест японской геополитики» (1940 г.) С. Комаки писал, что новая японская геополитика должна развиваться на основе географического учения, подчеркивающего традиционную этику и менталитет японцев. Он также утверждал, что: «... японская геополитика отличается от многих мировых геополитических течений, имитирующих немецкую геополитику, колониализм британского типа, а также старомодную китайскую геополитику; это отчетливо японский тип, который существует с начала императорской семьи и будет развиваться в соответствии с ее процветанием в качестве подлинно творческой науки Японии». В этих строках, он обратил особое внимание на необходимость признания собственной национальной японской политики на основе тэнноизма [5, с. 80].

Следует также отметить, что некоторые студенты С. Комаки были крайне заинтересованы геополитическими идеями, и активно изучали «Антропогеографию» (1882 г.) и «Политическую географию» (1897 г.) «отца» геополитики – Ф. Ратцеля – и впоследствии были отправлены как военные администраторы на оккупированные территории.

Не представляется возможным объяснить мотивацию обращения С. Комаки к геополитике. Было ли это связано с религиозностью его семьи или импульсом академической традиции *Киотской школы*. Вне зависимости от его мотивации, он сумел побудить большинство выпускников кафедры географии Императорского университета Киото исследовать геополитические темы [5, с. 81].

В многочисленных опубликованных работах *Киотской школы* геополитики отмечалось, что экономические проблемы Японии вызваны доминированием западных держав в Восточной Азии, а также расовой дискриминацией в отношении японцев, что вызывало сильный резонанс японской общественности. Но в то же время, сами авторы осознавали, что осуждения западного империализма было недостаточно, чтобы узаконить идентичную империалистическую политику Японии. В качестве альтернативной идеологии, был введен «панasiatизм» – расовая солидарность стран Азии. Это было продолжением идеи общинного государства, основанного на тэнноцентризме, примененного к азиатскому сообществу в целом [5, с. 81].

По воспоминаниям Т. Мураками (одного из учеников С. Комаки), исследовательская группа Киото во главе с С. Комаки оказывала заметное влияние на принятие военных решений. Согласно его мемуарам, исследовательская группа получала заказы от сотрудников Генерального штаба, который занимался планированием и разработкой военной тактики в свете нападения на Сингапур через Малайский полуостров в 1941 году, операций в Новой Гвинее в 1942 году, операций в Южном Китае в 1943 году и, наконец, в 1945 году, предвидя высадку американских войск, а также стратегии защиты Кюсю [5, с. 82].

Доподлинно неизвестно в какой степени предложения геополитической группы Киото были приняты военными властями, но высокопоставленные военные офицеры Генштаба неизменно присутствовали на их совещаниях, и нет никаких сомнений в том, что контакты с военной группой были тесными [5, с. 82].

Другое движение состояло из ученых, географов и политологов, представивших Японии немецкие геополитические теории, на которые они последовательно полагались. Эта группа географов предприняла попытку применить теории «жизненного пространства» (*Lebensraum*), «пространственного планирования» (*Raumordnung*) и других концепций немецкой геополитики по отношению к Японии и ее колониям, основывая свои доводы на признании того, что Германия находилась, в основном, в таком же положении на международной арене, что и Япония. Концепцию «пространственного планирования» представители этого движения применяли по отношению к внутренней Японии, в особенности, японским колониям – Маньчжурии, Корее и Формозы. Здесь стоит подчеркнуть, что схожесть положения Японии и Германии выводилась не из геополитических реалий, а на основе субъективных суждений этих ученых.

Начиная с 1939 года, были опубликованы многие переводы и толкования немецкой геополитики. Особый интерес К. Хаусхофера к Восточной Азии также сыграл стимулирующую роль в принятии немецкой геополитики Японией. Эти географы и политологи увидели последовательное развитие теории Р. Челлена «Государство как форма жизни» (1916 г.) в геополитике Германии и признали ее наиболее подходящей для объяснения целей политики эпохи империализма. Они следовали японской интеллектуальной традиции реставрации Мэйдзи, в которой отдавался приоритет не критическому изучению западных наук. Их концепция государства-организма была основана исключительно на биологической аналогии, а пространственная организация государства истолковывалась механистическим взаимодействием различных социально-экономических сил.

В ноябре 1941 года в Токио была основана Японская ассоциация геополитики, а в период с января 1942 года по ноябрь 1944 года начал выпускаться ежемесячный журнал «Геополитика». Следующую группу геополитиков и составили ученые, географы и военнослужащие, вступившие в Ассоциацию и внесшие вклад в журнал. В его редакционной коллегии состояли географы, экономисты, юристы, политики, журналисты и некоторые представители военной власти. Были включены также переводчики трудов К. Хаусхофера, такие как Эдзава Дзёдзи, а также те, кто занимал довольно критическую позицию по отношению к немецкой геополитике, такие как Сато Хироси, который представил Японии труды К. Виттфогеля. Из геополитической *школы Киото*, в качестве номинального советника, присутствовал только профессор Исибаси Горо (университетский преподаватель С. Комаки). Он не состоял в группе С. Комаки ввиду идеологических разногласий. И хотя в журнале неоднократно подчеркивалась необходимость создания японской геополитики, никаких ссылок на сочинения С. Комаки или членов его школы сделано не было [5, с. 82-83]. Несомненно, между геополитическими *школами Киото* и *Токио* существовало соперничество, а также определенные отличия в выражении своих идей. Так, основу журнала «Геополитика» составляли политико- и историко-географические описания областей, имевших чрезвычайно важное значение во время Второй мировой войны, и напрочь отсутствовали статьи, пропитанные мистицизмом синто или намеками на божественное предназначение, которые часто встречались в трудах геополитической *школы Киото* [5, с. 83].

Учредительная декларация журнала, печатавшаяся на первой странице каждого номера, заявляла: «Сейчас защита нашей Родины и война за выживание народов Великой Восточной Азии приобрели всемирное значение. Необходимо, чтобы геополитика, которая основывается на идее связи «крови и почвы», народов и земли, изучалась глубже и с большей действенностью». С другой стороны, нет никаких доказательств того, что те, кто вносил вклад в этот журнал осуществляли какое-либо фактическое влияние на процесс принятия решений в

Генштабе или органах государственной власти. Хотя президентом Ассоциации был адмирал Уэда Йошитаке, журнал содержал очень мало работ от военнослужащих [5, с. 83].

Несмотря на свои смелые декларации, распространение геополитических идей и методологии в массы, Ассоциация и журнал не проводили свою собственную единую и сильную пропаганду как это делала *школа Киото*. Она сыграла свою роль в просвещении общественности, слепо следуя имперскому режиму [4, с. 549-550].

До начала деятельности геополитической *школы Киото* и основания Японской ассоциации геополитики в Токио, в 1938 году премьер-министр Коноэ Фумимаро провозгласил пришествие «нового порядка в Восточной Азии», целью которого было создать новую политическую систему в Японии, Маньчжурии и Китае. В то время, когда Ф. Коноэ представил идею «нового порядка в Восточной Азии», он был чрезвычайно подвержен влиянию своей интеллектуальной клики – *Общества изучения Сёва* [5, с. 84].

Данный «научный кружок» был сформирован в 1933 г. при Токийском Императорском университете при активном участии принца Коноэ Фумимаро, будущего премьер-министра Японии. В его состав вошли ученые, мыслители и общественные деятели самой разной направленности, в том числе и представители левых кругов [6, с. 35]. *Общество изучения Сёва* играло роль интеллектуальной площадки, где могли встретиться представители интеллигенции и власти. Исследования этого объединения широко использовались при проведении внешней политики Японии.

Активное участие и наибольший вклад в разработку новых направлений в политике внес выдающийся японский ученый-политолог Рояма Масамити. В своей книге «Восточная Азия и мир» он выдвинул концепцию регионализма в качестве логического обоснования «нового порядка в Восточной Азии». М. Рояма рассматривал «Восточноазиатскую кооперативную организацию» как предопределенное условиями региона единое сообщество. «Япония, Маньчжурия и Китай ... являются соседними государствами в рамках Восточноазиатского региона, потому мы можем назвать это синкретическое сообщество региональным», – уверял М. Рояма [7, с. 113]. Что же касается практической реализации проектов объединения Восточной Азии, то основными препятствиями на пути создания в Азии единого сообщества под эгидой Японии Рояма предлагал считать межнациональные конфликты в самом регионе и противодействие западного колониализма. А для успешного объединения, по его мнению, необходимо было преодолеть местный национализм посредством распространения японского национализма на материк. Цели Японии здесь, в отличие от западных империалистических держав, он обозначал как региональное развитие и безопасность. Согласно Рояма, планироваться должно было не создание колониальной системы, а, в противовес ей, объединение всех народов и совместное управление. Западный империализм, по его словам, подразумевает завоевание, подчинение и использование миграционных процессов и, следовательно, развивается экспансивно. Система империализма держится на расовом неравенстве, и потому не может рассматриваться в рамках концепции «общей судьбы» региона. Более того, как утверждал Рояма, она и не может пойти по этому пути в силу того, что метрополии очень удалены от колоний. Япония же находится ближе и разделяет культурные особенности и судьбу региона [6, с. 38-39].

Проекты по организации колоний, разработанные в Японии, схожи с аналогичными планами других стран Оси, при этом японский вариант основан на региональном опыте взаимодействия с материком. Помимо объединения экономической сферы, Рояма подчеркивал необходимость интеграции в политической и культурной сферах. Именно так, по его мнению, можно было бы построить новый миропорядок.

Видные японские политики были склонны окружать себя учеными со схожими взглядами, в результате чего геополитический дискурс оказал значительное влияние на японскую политику первой половины XX века.

Характерными чертами практиков геополитики того времени была двойственность их

отношения к фундаментальным противоречиям японской политики, смена и корректировка точек зрения под интересы правящей верхушки, нежелание признать явный иррационализм выбранного курса.

С одной стороны, это выливалось в служении геополитики целям удовлетворения экономического рационализма. С другой, проявлялось в оправдании империалистических притязаний путем придания им ложной легитимности через культурно-идеологическую систему синтоизма, подкрепленном финансовой поддержкой военных ультранационалистов.

Как следствие, они столкнулись с глубокими и неизбежными трудностями идентификации проводимой в стране политики. Перед окончательной катастрофой 1945 года, когда ультранационалистический иррационализм достиг апогея, эти интеллектуалы быстро сдали позиции. К. Такеути (профессор университета Хитоцубаси, председатель Комиссии по истории географической мысли) удачно обозначил японскую геополитику 30-х – 40-х годов «трагикомедией, проявившейся в умственной акробатике ее приверженцев», вынужденных формировать свою судьбу в милитаристской Японии.

Литература

1. Moritaki K. A critical survey of location theory and regional science (1971); Takeuchi K. Geopolitiki in Japan and geography (1974); Mizuoka F. The revival of 'geopolitics' in recent Japan (1974).
2. Yamazaki T. The politics of geography and political geography (2006); Takagi A. Japanese nationalism and geopolitical thought (1998); Fukushima Y. Japanese geopolitics and its background: what is the real legacy of the past? (1997).
3. Shibata Y. Saneshige Komaki's "Japanese Geopolitics" and its ideological establishment (2006).
4. Yamazaki T., Takagi A., Kitagawa Sh., Kagawa Y. Reemerging Political Geography in Japan // Japanese Journal of Human Geography. – №6 (64). – 2012. – P. 544-566.
5. Takeuchi K. Japanese Geopolitics in the 1930s and 1940 // Dodds K., Atkinson D. (eds.). Geopolitical traditions: a century of geopolitical thought. London: Routledge, 2000. – 408 p.
6. Овчинникова С. Э. «Общество изучения Сёва» и его роль в создании проекта «Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания», 1933–1940 годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №2. – С. 34-42.
7. Малова К. В. Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX в.) // Известия Восточного института. – 1996. – №3. – С. 109-120.